

Ф. СТЕПУН

Бывшее и несбывшееся

<фрагмент>

<...> Сдав докторский экзамен, мы, то есть: Сергей Осипович Гессен, Николай Николаевич Бубнов и я решили вместе с двумя немецкими товарищами, будущими профессорами Мелисом и Кронером, основать выходящий на нескольких языках международный журнал по философии культуры.

Организационное заседание должно было состояться на квартире профессора Риккерта во Фрейбурге. По счастливой случайности, во Фрейбурге как раз находились Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна Гиппиус с их неразлучным спутником Философовым.

Не долго думая, мы с Сережей решили пригласить наших знаменитых соотечественников на заседание к Риккерту, где должен был быть и издатель проектируемого журнала. Расчет наш оказался вполне правильным. Присутствие русских известных писателей сильно повысило наш престиж, а потому и шанс на заключение выгодного контракта.

Предстоящий разговор с Мережковским, с которым он только что познакомился, как с писателем, очень занимал Риккерта. В утро того дня, на который было назначено заседание редакции с издателем Зибекком, при участии русских писателей, Риккерт на своей ежедневной прогулке по Гюнтерстальской аллее неожиданно встретил, как он сразу же понял, Мережковских с Философовым.

Зинаида Николаевна Гиппиус-Мережковская произвела на домоседа-мыслителя огромное впечатление своеобразной новизной своего образа. Очень «изящно и даже агрессивно» одетая и окутанная облаком душевных духов, пахнувших даже на душистом летнем воздухе, она показала ему существом, только что

вышедшим из утонченного французского романа, и он никак не мог представить себе, что сможет с Frau Mereschkowsky говорить о философии и мистике. Немножко побаивался он и того, как встретит Зинаиду Николаевну его жена, женщина большой культуры, очень умная, очень тонкая, но совсем другого склада: достаточно сказать, что Париж оказался для нее, талантливой скульпторши, одним из самых больших разочарований всей ее жизни; он навсегда поразил и оттолкнул ее своею грязью. Характерно, что грязь и беспорядок Рима ее душа и ее глаза принимали без всякого протеста.

Несмотря на всяческие сомнения и опасения, все кончилось как нельзя лучше. Дмитрий Сергеевич произвел на Риккерта впечатление очень яркой и сильной индивидуальности, хотя он и не мог понять, почему знаменитый писатель больше говорил о Суворове, чем о «Логосе», как было решено назвать наш журнал. От Зинаиды Николаевны в душе Риккерта осталась «nur eine Melodie»*, но все же он почувствовал утонченность и экзотику петербургской культуры. В издательстве Зибекке присутствие знаменитых русских писателей усилило уважение к русской редакции; он поверил, что нам удастся найти в Москве столь щедрого мецената, от которого будет перепадать и ему, и согласился начать серьезные переговоры, которые Риккерту и удалось довести до благополучного конца. Вскоре после заседания мы подписали с Зибекком довольно выгодный контракт.

У меня от первой встречи с Мережковскими и Философовым осталось лишь внешнее впечатление: прекрасные, печальные глаза и красные губы Дмитрия Сергеевича, какая-то, несмотря на штатский костюм, перетянутая, военно-адъютантская талия Философова и изящный костюм-тайер Зинаиды Николаевны с цветами на отвороте.

Несмотря на то что Мережковский был основателем и председателем петербургского религиозно-философского общества, в котором я, по приглашению Вячеслава Иванова, дважды выступал с докладами, я вторично встретился с Мережковскими уже в эмиграции, в 1923-м году на банкете «Современных записок» в Париже. То, что мы с ним в России ближе не познакомились, конечно, не случайность: очень близкий мне по своим темам и с ранних лет интересовавший и волновавший меня писатель, Мережковский чем-то постоянно и отталкивал меня, чем, мне самому не вполне ясно: скорее всего назойливостью его

* «Только мелодия» (нем.).

идеологического конструктивизма, которым одинаково полны как романы, так и публицистика, а также и неподлинностью его творческого горения. Все собираюсь заново перечесть все произведения этого исключительно трудолюбивого и блестяще одаренного человека и вскрыть для себя его живую человеческую душу. Дарование Зинаиды Николаевны ближе и понятнее мне. В нем тоже нет духовной питательности и душевной теплоты, но зато много тончайшего яду и непередаваемого очарования. <...>

